

(например о платке Неемана, о дани Иконию). Интересные параллели, установленные с памятниками арабской, турецкой, армянской и других литератур, к сожалению, зачастую получают неправильное объяснение: такие ученые, как А. Грегуар, Н. Адонц, С. Тренкнер и др., склонны без достаточных оснований говорить о заимствованиях. Как уже было сказано, пример социального анализа подобных совпадений для византийского и армянского эпоса был дан советской исследовательницей А. В. Банк.

Большинство упомянутых разногласий, как мы уже говорили, является естественным результатом состояния источников: нам неизвестен архетип поэмы или хотя бы какие-либо промежуточные звенья между этим архетипом и известными версиями; рукописи этих версий сравнительно поздние (не раньше XIV в.). Еще в большей мере это относится к „Девгениеву деянию“ и к песням акритского цикла. В свете этого неудивительно, что, несмотря на большую работу по сравнительному анализу текстов различных версий поэмы (А. Грегуар, С. Кириакидис и др.), критическое издание сводного текста памятника до сих пор не осуществлено. Остается пожалеть, что такой специалист, как С. Кириакидис, предполагавший выпустить подобное издание, отказался от своего намерения.

Зарубежные исследователи, как правило, склонны рассматривать византийскую поэму в отрыве от ее социальной и литературной среды, уделяя внимание преимущественно поискам параллелей к „Дигенису Акриту“ в военно-политической обстановке того времени и увлекаясь формальными сюжетными сопоставлениями текста поэмы с произведениями самых различных эпох и стран. Почти полностью игнорируют они и вопрос об идеологии византийского эпоса, о народных и феодальных его чертах. Все эти недостатки вызвали справедливые критические замечания наших ученых, по-новому подошедших к интереснейшему памятнику византийской литературы и обративших внимание на оставшиеся до этого в стороне аспекты изучения „Дигениса Акрита“. К сожалению, эти аспекты до сих пор затрагивались у нас лишь бегло, в попутных замечаниях. Таким образом, если ряд вопросов, связанных с византийским эпосом, не может быть еще окончательно разрешен, несмотря на основательное изучение, то отдельные немаловажные проблемы до сих пор так еще и не стали предметом специального исследования.

А. Я. Сыркин

А. П. КАЖДАН и Г. Г. ЛИТАВРИН. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Москва, 1958, 323 стр.

Книга А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина „Очерки истории Византии и южных славян“ (ответственный редактор Э. В. Удальцова) предназначена, как это следует из краткой аннотации, предпосланной книге, прежде всего для нужд обучения в средней школе. Перед авторами стояла задача дать научно-популярное изложение истории Византийской империи и ее балканских соседей, которое должно пополнить знания преподавателей и помочь им более полно и глубоко объяснять учебный материал. Ограниченные рамками школьной программы, авторы не дали систематического и всестороннего изложения всех фактов, связанных с историей Византии и южных славян, сосредоточив внимание

на рассмотрении и разъяснении преимущественно тех событий, которые изучаются в средней школе. Вместе с тем (и это тоже одна из основных задач книги) авторы должны были стремиться к максимально живому и доступному изложению, не касаясь спорных и нерешенных вопросов и не приводя научного аппарата.

Авторы хорошо справились с поставленными целями. Они дали марксистское, научно выдержанное и вместе с тем увлекательное изложение истории Византии и южных славян, которое с интересом читается и выдвигает на передний план ряд существенных проблем. Видно, что книга написана крупными специалистами, имеющими самостоятельные исследования по многим из рассматриваемых вопросов.

Как и следовало ожидать, А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин вполне справедливо поставили своей целью прежде всего объяснить наиболее важные моменты социально-экономического развития Византии и остальных балканских государств. Об этом совершенно определенно говорят уже первые две главы книги: „Восточная Римская империя и «варвары»“ (стр. 3—16) и „Попытки реставрации Римской империи и классовая борьба в VI в.“ (стр. 17—31). Убедительно охарактеризовано в этих главах экономическое состояние империи в рассматриваемый период, при этом обращено внимание на заметный рост производительных сил. Особенно подчеркнута та мысль, что при растущем кризисе рабовладельческого способа производства основная тенденция в экономике выражалась в создании и укреплении мелкого самостоятельного хозяйства. Ярко нарисована картина классовых противоречий и рабовладельческой реакции, добившейся победы в период правления Юстиниана I. С полным основанием отмечено, что наряду с борьбой между эксплуатируемыми слоями и господствующим рабовладельческим классом в IV—VI вв. развились острые конфликты в среде куриалов и новой чиновничьей и служебной аристократии в городах. Хорошо показано состояние „варварского мира“ во II—IV вв. Значительное место отведено нападению на Балканский полуостров готов, которые объективно явились союзниками части эксплуатируемого населения.

Естественно, что по некоторым из поднятых в первых двух главах вопросам можно спорить и находить другие решения. Думается, например, что следовало бы обратить внимание на то обстоятельство, что в недрах разлагающегося восточноримского общества IV—VI вв. уже зарождались раннефеодальные формы, о чем свидетельствует массовое появление колонов и особенно так называемых свободных колонов (*coloni liberi*). Авторы же вообще избегают говорить о каком бы то ни было процессе феодализации в этот период и не приводят данных, определенно свидетельствующих, на мой взгляд, о сходстве колона со средневековым крепостным крестьянином.

Существенным недочетом, который объясняется, вероятно, теми ограничениями, которые наложили на авторов учебная программа, является то, что в изложении истории данного периода не уделено места христианизации Римской империи IV—V вв. и превращению христианской церкви в крупную экономическую и политическую силу — союзника светской власти. Из-за этого недостаточно объяснено стремление Юстиниана искоренить различные отклонения от официального признанного православия. Необъясненной осталась и сущность „ересей“ как идеологической формы борьбы с господствующим строем.

Упущением является также и то, что в первой главе не отмечен такой важный факт, как превращение Византия в столицу Римской империи. Это сделано лишь на 96 стр., где говорится о развитии византийских городов в IX—XII вв., хотя следовало бы об этом сказать раньше.

В главе „Падение рабовладельческой системы в Восточной Римской империи и расселение южных славян на Балканском полуострове“ (стр. 31—49) дан краткий очерк территориальных потерь империи в VII—VIII вв. Рассмотрение этого вопроса представляет собой резюме специального исследования автора этой главы А. П. Каждана. Здесь правильно указывается, что основная причина упадка городов заключалась в общем кризисе рабовладельческого строя. Мне кажется, однако, что не следует недооценивать и другой момент, а именно непрерывные нашествия „варваров“, главным образом славян и арабов. В этой связи ряд мыслей, высказанных на стр. 34, нуждается в некоторых коррективах.

В очерке о южных славянах, написанном ярко и достаточно подробно, учтены результаты последних научных исследований. Справедливо отмечено, что в византийской историографии наблюдается тенденция или к идеализации славянских племен, или отрицательное, пренебрежительное отношение к ним. Поэтому совершенно правильно положение, что, говоря о влиянии славян на развитие Византийской империи, следует иметь в виду два обстоятельства, а именно, что, с одной стороны, славяне увеличили в результате своих нашествий численность свободного крестьянства, а с другой, разрушили господствующую до того времени рабовладельческую государственную машину. Хорошо рассмотрены предпосылки образования первых славянских государств на Балканском полуострове. Заслуживает внимания мысль, что большую роль в этом сыграло то обстоятельство, что новым пришельцам нужно было укрепить свою власть над местным населением, с которого они собирали дань и которое считалось подвластным им¹.

Третья глава завершается кратким рассказом о приходе протоболгар и образовании славяно-болгарского государства в 681 г. И здесь учтены последние результаты научных исследований по этому вопросу, отраженные главным образом в трудах болгарских медиевистов. Правильно сформулирован заключительный вывод, что вновь образованное болгарское государство „при всей сложности его этнического состава было с самого начала по преимуществу славянским государством“ (стр. 48).

Следующая глава — „Физико-географическая и административная карта Византии в VIII в.“ (стр. 49—61) — представляет удачную попытку дать сведения географического, экономического, этнографического и административного характера об отдельных византийских областях, оставшихся в пределах империи после нашествия славян и арабов в VII—VIII вв. Эти сведения относятся главным образом к Малой Азии, которая являлась в этот период наиболее важной частью государства и сравнительно мало пострадала от ударов „варваров“.

В начале этой главы рассматривается вопрос, с какого времени следует говорить об истории „Византии“. По мнению автора, лучше всего (хотя это и условно) употреблять это название с начала VII в. (стр. 50). По этому вопросу, несомненно, можно спорить. Так, если исходить из того, что Византия — это прежде всего обособленное, отдельное государство, то это название можно было бы употреблять уже с 395 г., когда Римская империя была разделена на две части. Но если исходить из общественно-экономических изменений (падение рабовладельческого строя и создание условий для возникновения феодальных отношений), то вполне обосновано применять термин „Восточно-Римская империя“ к периоду до конца VI в., и лишь после этого го-

¹ Эта мысль более подробно развита в вышедшей в 1955 г. книге Д. Ангелова и М. Андреева „История на Българската държава и право“ (стр. 54).

ворить уже о „Византии“. Мне думается, что первое обстоятельство является более важным, хотя, конечно, и второе имеет значение. Вот почему было бы наиболее правильным, если бы для периода IV—VI вв. мы пользовались названием „Ранняя Византия — Восточно-Римская империя“.

Следующая глава носит название „Византийская община в эпоху генезиса феодализма (VIII—X вв.)“ (стр. 61—78). На основе собственных исследований автор этой главы А. П. Каждан дал краткое и ясное изложение организации сельской общины и ее роли в жизни византийского общества. Хорошо обосновано положение, что общинные и родовые связи представляли собой реальную силу, которая на известное время задержала, но не полностью остановила процесс феодализации. Обстоятельно рассмотрен процесс классового расслоения внутри византийской деревни и породившие его причины. Высказана справедливая мысль, что возникновение института стратиотов находится в тесной связи с глубокими изменениями в аграрном строе, происшедшими в VII—VIII вв. Интересно и живо изложены народные движения в IX в. Однако и по этой главе могут быть сделаны некоторые критические замечания. Непонятно прежде всего, почему в рассказе о событиях VIII—IX вв. ни словом не упоминается об иконоборстве. Принимая во внимание большую роль этого широкого религиозно-политического движения в период формирования феодальных отношений в Византии, нельзя не признать этот пропуск существенным недочетом. Едва ли правильным является и то, что о павликианстве упоминается только при описании событий после восстания Фомы Славянина. Спорным представляется положение, что павликиане под руководством Карвеаса и его преемника Хрисохира „создали на восточных границах империи независимую республику с центром в Тефрике“ (стр. 77). Данные источников, как мне кажется, не дают оснований говорить о существовании самостоятельного павликианского государства, а свидетельствуют лишь об известной независимости павликиан в пределах Арабского халифата. Можно было бы также спорить по поводу утверждения, что в X в. был положен конец свободе передвижения и что „и крестьянам, и стратиотам было запрещено уходить из их общин“ (стр. 77). Этот вопрос не является до конца ясным. Мне представляется, что закрепощение коснулось в этот период прежде всего частновладельческих крестьян (*πάροικοι*), а не тех, которые были непосредственно подчинены органам центральной власти.

Следующая глава — „Развитие феодальных отношений в Византии в X—XII вв.“ — содержит ряд ценных и интересных наблюдений, которые являются преимущественно результатом специальных исследований автора этой главы А. П. Каждана. Хорошо прослежено наличие элементов рабовладельческого строя в недрах византийского общества вплоть до XI в. и рассмотрены условия, которые способствовали сохранению в течение столь длительного периода рабовладельческого уклада. Подробно показан процесс роста значения феодальной вотчины и намечены два основных пути феодализации. С одной стороны, как указывает автор, зависимые крестьяне образовывались „из числа безземельных и беглых крестьян“ и поселялись во владениях крупных собственников (стр. 82). С другой стороны, и это было наиболее частым явлением, под власть дината попадали крестьяне вместе со своим наделом (там же). Нужно отметить, что эти два пути феодализации характерны не только для Византии, но были обычными и в других балканских странах в период средневековья.

Хорошо раскрыт характер арифмоса и характеристики. Интересные наблюдения сделаны над развитием финансового и судебного имму-

нитета. Справедливым представляется вывод, что иммунитет находился еще в первоначальной фазе своего развития и что это свидетельствует о незавершенности феодальных отношений в рассматриваемый период.

Интересные и свежие мысли высказаны по поводу формирования византийского войска феодального типа. Здесь резюмированы результаты специальных исследований А. П. Каждана по данному вопросу. Также результатом специального монографического исследования является рассмотрение вопроса о двух группировках их внутри феодального класса и о борьбе между ними в X—XI вв.

Естественно, что при наличии стольких проблем, рассмотренных в этой главе, не все высказанное автором может быть принято без возражений. Так, например, вызывает сомнение положение, что частновладельческие парики в X—XI вв., в отличие от государственных крестьян, имели свободу перехода (стр. 81). Если основываться на сохранившихся с того времени документах, например на грамотах Василия II, данных Охридской архиепископии, можно было бы, как мне кажется, заключить с достаточным основанием, что именно частновладельческие парики были прикреплены к своей земле. Напротив, те крестьяне в империи, над которыми не тяготела власть господина, были более свободными в своих действиях. Можно было бы спорить и по вопросу о характере прони. А. П. Каждан придерживается мнения, высказанного им в книге „Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв.“, которое заслуживает серьезного внимания, но не может считаться, как мне представляется, полностью доказанным. Можно было бы также спорить и по вопросу о „rente“. Из изложенного на стр. 88 видно, что автор отождествляет государственные налоги с централизованной рентой, что, мне кажется, не совсем точно.

Глава VII посвящена вопросу о развитии и характере византийских городов в IX—XII вв. В ней вновь подчеркивается отмеченное уже выше положение об упадке городской жизни во время социальных потрясений VII в. и нападений варваров и справедливо отмечается на основе археологических и нумизмических данных, что в конце IX в. начался новый подъем в развитии провинциальных городов, которые превращаются в центры ремесла и торговли. Дан интересный очерк внешнего вида и жизни византийской столицы. Хорошо обрисована социальная структура городов. Заслуживает внимания мысль о неустойчивом экономическом положении городского плебса, который получал „в форме раздач определенную долю централизованной ренты“ (стр. 105). Хорошо рассмотрена цеховая организация. Автор справедливо отмечает, что между константинопольскими корпорациями, известными по книге эпарха, и позднеримскими коллегиями трудно установить генетическую связь. Они резко различались в том отношении, что позднеримские коллегии „были несвободными, тогда как константинопольские коллегии представляли собой привилегированные организации“ (стр. 102).

Удачно подобранный материал содержит и глава „Государственный аппарат и церковь Византийской империи в IX—XII вв.“ (стр. 109—125). Хорошо изложена мысль о теократическом характере императорской власти и подчеркнута, что эта власть все же была ограничена в силу ряда условий. Мне кажется, однако, что автор ошибается, предполагая, что титул „басилевс“ вошел в употребление лишь в начале IX в. (стр. 109). Как известно, этот титул появился первый раз в одной грамоте императора Ираклия². Кратко и четко рассказано о государственном аппарате, суде и праве. Автор подчеркивает коррупцию в среде

² Ср. Z e p o s. Jus graeco-romanum, I, 36.

администрации и классово-сословный характер правовых норм. Интересные соображения высказаны в связи с рассмотрением византийского войска, церкви и монашества. Но мне кажется, что было бы полезным еще более ярко показать роль церкви как части господствующего класса и одновременно как идеолога феодального строя. Выскажу также одно замечание по поводу изложения вопроса о монашестве. Автор, конечно, прав, подчеркивая социальное неравенство в среде монахов и те противоречия, которые возникали в связи с этим неравенством между ними. Но не это было главным в жизни и структуре монашества. Важнее было бы отметить роль монастырей в процессе феодализации и значение монашеской идеологии в укреплении устоев власти. Эти вопросы, правда, затронуты, но их следовало бы выдвинуть на передний план.

Богата по содержанию глава о византийской культуре в IX—XII вв. (стр. 125—142). Дана удачная характеристика византийского образования и науки, идеологии господствующего класса, искусства и литературы, народного быта, праздников и т. д. Справедливо автор останавливается на двух крупных фигурах византийской культуры того времени — патриархе Фотии и Михаиле Пселле. Верным представляется положение, что грамотность была распространена преимущественно в городах, в то время как сельское население в большей своей части оставалось необразованным. Интересные наблюдения сделаны в связи с эстетическими идеалами византийцев. Подчеркнуто, что византийское искусство должно было служить прежде всего выполнению дидактических задач, подчиняясь определенным идеям, которые и предопределяли его форму и содержание.

Некоторые из поднятых вопросов вызывают возражение. Так, например, мне думается, преувеличением является высказанный на стр. 125 тезис, что в VIII в. богословие считалось единственной наукой, основывающийся только на свидетельстве Пахомия и противоречащий некоторым фактам, которые обнаруживают, что в этот период в Византии отнюдь не полностью прекратились научные занятия.

Глава X посвящена истории Болгарии и Великоморавского государства. Основываясь главным образом на данных законодательства Крума и „Ответах“ папы Николая, автор прослеживает процесс феодализации болгарского общества и его характерные особенности. Верно отмечено, что законы Крума, насколько можно о них судить по сведениям в словаре Свида, содействовали укреплению феодальных порядков и защите феодальной собственности. Мне кажется, что в связи с этим вопросом следовало бы добавить, что феодализация болгарского государства была тесно связана с процессом централизации и ликвидации племенного партикуляризма.

Ясно и содержательно изложен вопрос об образовании Великоморавского государства и миссии Кирилла и Мефодия. Значительное место отведено принятию Болгарией христианства. При этом верно вскрыты причины этого события. Недоказанным остается утверждение автора, что в восстании, вспыхнувшем в стране и являвшемся реакцией на политику Бориса, участвовали „жрецы, заинтересованные в сохранении старой языческой религии, старого культа солнца и звезд“ (стр. 153). По данным источников, в Болгарии до принятия христианства не существовало сильного жреческого сословия. Главной силой бунта против болгарского князя было не духовенство, а часть бояр, которые не одобряли политики сближения с Византией и считали, что новая вера ставит под угрозу их интересы.

Следующая глава (стр. 156—167) содержит богатый материал о социально-экономическом развитии Болгарии конца IX — первой

половины X в. В ней использованы как данные письменных источников, так и материал археологических раскопок. Правильно отмечено, что в болгарском государстве того времени наблюдалось заметное развитие ремесла и торговли, но это не означало роста благосостояния всего населения (стр. 159). обстоятельно излагаются царствование Симеона и его войны с Византией. Автор — Г. Г. Литаврин — пришел к правильному выводу, разделяемому болгарскими медиевистами, что эти войны привели к территориальному расширению страны, но одновременно неблагоприятно отразились на положении народных масс.

В главе XII — „Падение Болгарского государства“ — дан краткий очерк богомилства с учетом последних исследований. Особо подчеркивается, что это социально-религиозное антифеодальное учение не удовлетворялось критикой существующего порядка, но призывало население к открытой борьбе против господствующего класса. Хорошо показано, что проповеди богомилов нашли почву для своего распространения не только в Болгарии, но и в остальных странах Балканского полуострова, а также и в Византии. Автор, однако, не отметил, что богомилство оказало влияние и на другие страны, главным образом на Италию и Францию, где в XII—XIII вв. распространилось движение катаров.

В этой же главе обстоятельно рассмотрены события, связанные с походами киевского князя Святослава, и русско-византийская война. Хорошо показано, что между русскими и болгарам с течением времени возникла дружба, ярко проявившаяся при осаде Доростола войсками Иоанна Цимисхия (стр. 173). Прекрасно рассказано об образовании Западноболгарского государства и о завоевании его византийцами. Справедливо подчеркнуто, что успех византийцев в значительной степени обусловлен предательским поведением части болгарского боярства. Но мне кажется, что стоило бы привести некоторые примеры героического сопротивления болгарского народа завоевателям (например, осада Перника, отпор, оказанный воеводой Ивадем, и др.).

Следующая глава раскрывает положение южнославянских народов, главным образом болгар, под властью Византии. Удачно подобраны факты, свидетельствующие о тяжком гнете, нависшем над покоренным населением. Правильно, на мой взгляд, указано, что константинопольское правительство совместно с византийской церковью начало проводить сознательную политику ромеизации (стр. 182). Отмечено, что эксплуатация болгар особенно усилилась после территориальных потерь империи в Малой Азии (стр. 184).

Значительное место отведено восстанию Петра Деляна. Заслуживает внимания высказанная Г. Г. Литавриным мысль, что вокруг второго предводителя восстания Алусиана группировались представители славянской (лучше сказать, болгарской) аристократии, которые были недовольны антифеодальным характером народно-освободительного движения и не верили в царское происхождение Деляна. Справедливо также утверждение, что это восстание активизировало богомилскую ересь. Думаю, однако, что еще более верным является положение (которое, к сожалению, не отмечено), что богомилство с его проповедью против византийской власти и феодального гнета содействовало усилению ненависти к поработителям и в этом смысле подготовило почву для восстания Деляна. О тесной связи богомилства с народно-освободительной борьбой болгарского народа свидетельствуют, как правильно указал автор, события второй половины XI—начала XII в. (восстание Леки и Травла, процесс против Василия и др.). При рассмотрении этих событий обнаруживается, однако, тенденция смешивать богомилов с павликианами. Это не является оправданным, если

учесть, что в источниках, относящихся к этой эпохе, например в сочинении Анны Комниной, проводится четкое разграничение между этими двумя видами еретиков.

Глава завершается описанием восстания Асеня и Петра и освобождением Болгарии от византийского господства. Справедливо подчеркнуто, что создание нового болгарского государства было актом огромного прогрессивного значения, независимо от того, что это государство в силу закономерности исторического развития было феодальным и что вся власть в нем принадлежала феодальной аристократии (стр. 190).

Со стр. 192 вновь продолжается очерк истории Византии. Глава XIV посвящена событиям в империи XI—XII вв., главным образом первому крестовому походу. Убедительно раскрыт грабительский характер армии крестоносцев, проходившей через балканские земли. Подробно рассмотрены войны Алексея Комнина с норманнами и печенегами, ярко рассказано о наступлении турок-сельджуков в Малую Азию. Я думаю, однако, что преувеличенным является утверждение, что „многие города и деревни в Малой Азии встречали сельджуков как освободителей“ (стр. 193).

Следующая глава рассматривает четвертый крестовый поход и переход Константинополя под власть латинян. Изложены причины, вызвавшие в конце XII в. упадок Византии, а именно: политика Комнинов, рост сильных итальянских торговых республик и процесс феодализации в Византии и ослабление в связи с этим центральной власти. Подробно и увлекательно описано взятие Константинополя армией крестоносцев; при этом обращено внимание на страшные грабежи, чинимые завоевателями, разоблачена двуличная политика римской курии, которая делала вид, что негодует по поводу происшедшего, а в действительности санкционировала и оправдывала, как замечает Г. Г. Литаврин, „одно из величайших в истории злодеяний“ (стр. 219).

В главе XVI — „Латинская империя и гегемония Болгарии на Балканах“ — прослеживается развитие событий на Балканском полуострове и в Малой Азии в 1204—1261 гг. Четко охарактеризован общественно-политический строй образовавшегося государства крестоносцев; при этом подчеркивается, что феодальные отношения, возникшие в нем, нашли благоприятную почву для своего развития, вследствие того на этой территории феодальный строй полностью установился еще до завоевания. Правильно утверждение, что греческое население встречало первоначально новых завоевателей равнодушно и даже с некоторыми надеждами, но вскоре изменило свое настроение и прониклось ненавистью к ним. Значительное место отведено роли Болгарского государства в период царствования Калояна и Ивана Асеня II. Г. Г. Литаврин в подкрепление своей точки зрения на отношения между Калояном и богомилами отмечает (и, как мне кажется, совершенно справедливо), что богомилы принимали деятельное участие в борьбе болгарского народа с византийским игом. Интересна высказанная им мысль, что Иван Асень II вел борьбу против сепаратизма боляр с помощью мелких феодалов и богомильских сект (стр. 231). Хорошо переданы события, связанные с усилением Никейской империи и освобождением Константинополя от латинян в 1261 г.

Однако, в изложении допущены некоторые недосмотры. Так, на стр. 238 говорится, что папа склонял Запад к походу против Калояна потому, что тот проявлял терпимость к богомилам. Такое обвинение было предъявлено, как известно, не Калояну, а Ивану Асеню II. Иван Асень II (сын Асеня I) ошибочно назван сыном Калояна. В битве при Клокотнице латинские рыцари были не на стороне

болгар, как об этом говорится в тексте (стр. 230), а наемниками в войске эпирского деспота Феодора Комнина³.

Следующая глава — „Византийская деревня и город в XIV—XV вв.“ (стр. 235—249) — посвящена социально-экономическому развитию Византии в период позднего феодализма. Резюмируя результаты главным образом своих собственных исследований в области аграрных отношений, автор этой главы А. П. Каждан справедливо замечает, что феодализм в Византии находился в то время в стадии своего расцвета. Одновременно он останавливается на некоторых фактах (расслоение внутри крестьянства, появление предпринимательских хозяйств), которые свидетельствуют о наличии элементов разложения феодального общества и о зарождении раннекапиталистических отношений. Несомненно, эти факты были налицо, но не следует, по-моему, их переоценивать; как это следует из известных нам источников, о процессе разложения феодального строя можно говорить только применительно к одной области империи, главным образом к округе крупного города Солуни, где товарно-денежные отношения были сильнее всего развиты.

Богат по содержанию обзор жизни поздневизантийского города. Верно утверждение, что упадок в экономическом развитии городов в XIII—XV вв. вовсе не был так велик, как это иногда считают, и что многие византийские города продолжали оставаться центрами ремесла и торговли. Правильная мысль, что в городах того времени господствовала феодальная аристократия и что она, владея крупными имениями, производила много продуктов и была связана своими торговыми интересами с итальянскими республиками. Напротив, остальные граждане — ремесленники и торговцы — были соперниками итальянцев и питали к ним сильную ненависть.

Живо и увлекательно написана гл. XVIII, посвященная восстанию зилотов (стр. 249—262). Г. Г. Литаврин показал антифеодальный характер этого большого движения и попытался, главным образом на основе данных обвинительной речи Николая Кавасилы, по возможности подробно охарактеризовать реформы, проведенные революционной партией зилотов. Но мне кажется, что следовало бы в связи с этим высказать свое отношение к взгляду И. Шевченко, который считает, что сочинения Кавасилы не могут использоваться в качестве источника для изучения идеологии зилотов и их политики⁴. Заслуживает внимания высказанная авторами мысль, что одной из причин неуспеха антифеодального восстания была пассивность деревни, которая не выступила на помощь городским массам в их борьбе. Интересно также и его предположение, что на идеи зилотов оказали влияние еретические учения, в частности богомилство. В этой связи автор ссылается на слова Кантакузина, который обвиняет вождей солунского движения в богохульном отношении к религии и церкви. Но необходимо отметить, что вследствие недостатка данных источников этот вопрос нельзя считать окончательно решенным.

Следующая глава касается истории сербского государства в XIV в. (стр. 262—278). Дается географический обзор страны и обстоятельно рассматриваются события, относящиеся ко времени царствования Стефана Душана. Справедливо отмечается, что процесс феодализации сербского общества происходил сравнительно медленно. Не вызывают сомнений утверждения, что города в Сербии были слабы, что между

³ Cp. Georgii Acropolitae Opera, I, p. 41.

⁴ I. Sevcenko. Nicolas Kabasilas. Anti-Zealot Discourse Reinterpretation. Dumbarton Oaks Papers, v. 11, 1957, S. 81—172.

отдельными районами не имелось экономических связей и вследствие этого центральная власть не могла получить необходимую прочную базу. Хорошо подобраны факты, касающиеся классовой борьбы в XIV в., которая нашла, кроме всего прочего, выражение в постановлениях законника Душана по уголовным преступлениям. Удачно отобраны данные, характеризующие рост крупной собственности, особенно собственности церквей и монастырей.

Глава XX посвящена истории адриатической республики Дубровник, которая играла, как известно, в XIII—XV вв. большую роль в политической и экономической жизни Балканского полуострова. Свободно владея материалом, автор дал краткий очерк экономического развития города, его классово-сословной структуры и политического строя, показал, что Дубровник в рассматриваемый период был одним из крупнейших центров образованности в балканских землях.

Следующая глава — „Борьба южных славян против турецкого завоевания“ (стр. 293—304) — содержит краткое изложение турецкого завоевания Балканского полуострова. Г. Г. Литаврин привлек ряд интересных фактов, свидетельствующих об опустошительном характере турецкого нашествия и об упорном сопротивлении, оказанном южными славянами азиатским пришельцам. Ярко рассказано о битве на Косовом поле. Убедителен вывод, что господство турок, стоявших на более низком уровне общественного и экономического развития по сравнению с балканскими народами, затормозило нормальную жизнь покоренного населения и воспрепятствовало естественному развитию производительных сил.

Однако и здесь можно сделать несколько критических замечаний. Так, неточно указано, что от Болгарского государства еще в начале XIV в. отделилась в качестве самостоятельного феодального владения область между Дунаем и Варной. Это произошло позднее, во время царствования Ивана Александра⁵. Односторонним является утверждение, что нахлынувшие в Болгарию турки встретили отпор „только со стороны разоренного ими простого населения“ (стр. 296). Действительно, против завоевателей боролись главным образом простые люди из деревень и городов, но известно, что сопротивление оказывали и некоторые из бояр во главе с самим царем Иваном Шишманом. О боярах, принимавших участие в борьбе против турок, свидетельствуют, как известно, данные „Синодика“ Борила, а также известная надпись Севаста Огняна, одного из близких соратников Ивана Шишмана.

Сомнительно, что последний болгарский царь попал в плен к туркам после битвы в 1395 г. в окрестностях Самокова. Автор руководствуется в данном случае известиями, которые носят легендарный характер и не могут быть доказаны. Более достоверной мне кажется версия, содержащаяся в одном турецком источнике и говорящая о том, что Иван Шишман был пленен при падении Никополя⁶.

В последней главе (стр. 304—322) рассмотрено завоевание турками Византии. В центре изложения — взятие Константинополя. Живо и увлекательно рассказано о героическом сопротивлении жителей византийской столицы, о страшных грабежах, чинимых завоевателями.

Заканчивая рецензию, следует еще раз подчеркнуть, что книга А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина представляет собой ценный и хорошо написанный обобщающий труд по истории Византии и южных

⁵ История на България, т. I, стр. 220.

⁶ Ср. H. Inalcik. An Ottoman document on Bayezid I-s Expedition into Hungary and Wallachia, X Milletararsi Busanстетkikleri Kongresi tebliğleri. Istanbul, 1957, p. 220 f.

славян. Авторы сумели, ограничив свои исследования рамками учебной программы средней школы, подобрать наиболее существенные события и факты и дать их в сжатом и систематическом изложении, которое легко и интересно читать. Благодаря умелому творческому применению научного марксистско-ленинского метода авторам удалось раскрыть основные закономерности в развитии Византийской империи и ее балканских соседей. На передний план выдвинуты важные проблемы. Решение ряда вопросов отражает в резюмированном виде результаты монографических исследований обоих авторов. В этом смысле „Очерки истории Византии и южных славян“ выходят по своему значению за рамки пособия для преподавателей средней школы и представляют интерес и для специалиста-византинолога. Можно было бы пожелать, чтобы при переиздании этой богатой по содержанию книги она была снабжена списком научной литературы по истории Византии и балканских народов, вышедшей за последние годы, а также именным и предметным указателями.

Д. Ангелов.

ВОПРОСЫ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ „ВЕСТНИКА МАТЕНАДАРАНА“

Государственное хранилище древних рукописей Армении — Матенадаран¹ издает сборники исследований и сообщений, посвященных средневековым армянским рукописям. Значительное место в этих сборниках занимают научные публикации текстов, а также их переводы на русский язык. Кроме того, печатаются работы по арменоведению, которые не затрагивают собственно рукописей.

Первый и второй выпуски („Сборники научных материалов“) увидели свет в 1941 и 1950 гг. Третий и четвертый, изданные под новым названием — „Вестник Матенадарана“, — появились в 1956 и 1958 гг.

Третьему и четвертому выпускам (в целом) посвящен ряд рецензий², в настоящем же обзоре мы касаемся лишь тех работ, которые в той или иной степени посвящены проблемам византиноведения и, следовательно, могут привлечь внимание византинистов³.

* * *

Третий выпуск „Вестника“ открывается большой статьей Ашота Иоаннисяна „Смбат Зарехаванци, его время и современники“ (стр. 7—30)⁴. Кратко охарактеризовав социально-политическую обстановку в Армении IX—X вв., когда классовая борьба неизбежно должна была принять форму еретического движения, автор переходит к весьма важному вопросу — датировке зарождения тондракитской ереси и вы-

¹ Ныне — Научно-исследовательский институт древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР.

² См. рецензии В. Налбандяна („Советакан граканутюн“, 1957, № 5, на арм. яз.) и И. К. Кусикьяна („Исторический архив“, 1958, № 1), В. Бархударяна („Известия АН Арм. ССР“, общ. науки, 1959, № 2, на арм. яз.).

³ За исключением особо оговоренных случаев, реферлируемые работы опубликованы на армянском языке.

⁴ Доклад, прочитанный на VII научной сессии Матенадарана 28 декабря 1954 г.; в расширенном виде статья включена в монографию: А. Иоаннисян. Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957, стр. 330—400, на арм. яз.; см. его же. Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.). ВИ, 1954, № 10.